

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-33>

УДК 343.357

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА СЛУЖЕБНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СФЕРЕ ГОЗ

Насибулин А.Д.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение служебных преступлений в сфере государственного оборонного заказа. В статье исследуются вопросы, касающиеся регламентации ответственности за служебные преступления в сфере государственного оборонного заказа сквозь призму недостатков присущих составам, предусмотренным ст.ст. 201¹, 201², 201³, 285⁴, 285⁵ и 285⁶ УК РФ. Анализируются подходы законодателя к дифференциации уголовной ответственности за совершение служебных преступлений в сфере государственного оборонного заказа. Предлагаются возможные изменения в действующую редакцию глав 23 и 30 УК РФ, которые по мнению автора, будут способствовать улучшению эффективности действия норм о служебных преступлениях в сфере ГОЗ. Выносятся на обсуждение вопрос об обоснованности осуществления дальнейшей дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере государственного оборонного заказа.

Ключевые слова: уголовное право, Уголовной кодекс Российской Федерации, дифференциация уголовной ответственности, должностные преступления, преступления против интересов службы, государственный оборонный заказ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY
FOR OFFICIAL CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF STATE DEFENSE

Andrey D. Nasibulin

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

Abstract. The article is devoted to the analysis of criminal law norms providing for criminal liability for committing service crimes in the field of state defense order. The article examines the issues related to the regulation of liability for service crimes in the field of state defense order through the prism of the shortcomings inherent in the elements provided for in Articles 201¹, 201², 201³, 285⁴, 285⁵, and 285⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the legislator's approach to the differentiation of criminal liability for committing official crimes in the field of state defense order. The author proposes possible amendments to the current version of Chapters 23 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, in the author's opinion, will contribute to improving the effectiveness of the norms on official crimes in the field of state defense order. The article raises the question of the validity of further differentiation of liability for committing official crimes in the field of state defense order.

Keywords: criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, differentiation of criminal liability, official crimes, crimes against the interests of service, state defense order.

Funding: Independent work.

Введение.

В современных политических условиях, когда лидеры стран коллективного Запада ежедневно соревнуются друг с другом в количестве публичных враждебных высказываний в адрес нашего государства, а новостные сводки с линии фронта Специальной военной операции ВС РФ уже давно стали нормальным явлением хозяйственной жизни общества, защита установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб по выполнению государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) по праву можно признать одной из основных задач государства. Посягательства на указанные общественные отношения затрагивают частные и публичные интересы не только в данной сфере, но и в сфере деятельности государства и общества по обеспечению обороны и без-

опасности РФ, а в некоторых случаях еще и в сфере отношений собственности в рамках ГОЗ, финансовой дисциплины в рамках ГОЗ.

Вместе с тем, действие новых составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 201², 201³, 285⁵, 285⁶ УК РФ, призванных усилить уголовно-правовую защиту присущих им объектов, к сожалению, как показывает практика, на текущий момент сводится лишь к превентивному действию закона. При этом отметим, что практику применения других служебных составов в сфере ГОЗ, предусмотренных ст.ст. 201¹, 285⁴, тоже нельзя назвать богатой.

Основная причина обозначенной нами проблемы кроется в трудностях, испытываемых правоохранительными органами при применении, как новых служебных норм в сфере ГОЗ (ст.ст. 201², 201³, 285⁵,

285⁶ УК РФ), так и служебных норм в сфере ГОЗ появившихся ранее (ст.ст. 201¹, 285⁴).

В свою очередь, источником (первопричиной) указанных трудностей прежде всего являются недостатки законодательной техники присущие вышеназванным составам, о которых ранее неоднократно высказывались такие авторы, как А.В. Иванчин, Н.А. Лопашенко, П.С. Яни, И.О. Ткачев, Н.А. Егорова, А.Г. Егоров, В.А. Коновалов, И.А. Любый.

Среди недостатков законодательной техники отмеченными учеными обращалось внимание на:

- «рассогласованность законодательства в сфере ГОЗ с призванными обеспечивать их правовую охрану положениями УК РФ» [13, с. 45; 5, с. 46-47], а также «положениями КоАП РФ» [8, с. 251];

- «сомнительную корректность определения основного объекта посягательства и сложность установления содержания признаков, закрепленных в диспозициях» [1, с. 12-16];

- «пробельность законодательства в сфере ГОЗ» [3, с. 446-447];

- «искусственно созданную конкуренцию уголовно-правовых норм» [6, с. 127].

Вместе с тем, отметим, что недостатки, указанные вышеназванными авторами, авторитет которых не вызывает ни капли сомнения, на наш взгляд, могут усугубляться, помимо прочего, еще и просчетами законодателя в дифференциации уголовной ответственности, допущенными при конструировании норм, предусматривающих ответственность за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ.

С учетом изложенного, в рамках данной статьи мы поставили перед собой задачу рассмотреть вопросы, касающиеся регламентации ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 201¹, 201², 201³, 285⁴, 285⁵ и 285⁶ УК РФ, а также наметить возможные пути к улучшению эффективности действия норм о служебных преступлениях в сфере ГОЗ.

Обсуждение.

Переходя к непосредственной теме нашего исследования, следует отметить, что, несмотря на распространенность в УК РФ инструментов (норм, институтов), присущих механизму дифференциации уголовной ответственности, в уголовном законодательстве до сих пор отсутствует легальное определение данного термина. Вместе с тем, вопросы и проблемы дифференциации уголовной ответственности, в силу своей значимости и существенного влияния на правоприменительную деятельность, являются предметом многочисленных научных исследований в области уголовного права.

Более того, значительная часть юристов-исследователей, к числу которых относимся и мы, рассматривают «дифференциацию уголовной ответственности в качестве одного из методов уголовно-правовой политики» [10, с. 14-15].

Данный вывод находит свое подтверждение и в постановлении Конституционного Суда РФ от

24.05.2021 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко». Так, согласно абз. 7 п. 2 вышеназванного постановления, при криминализации деяний необходимо учитывать типовую оценку их общественной опасности. В случае, если отдельные признаки преступления указывают на существенное изменение характера и степени общественной опасности по сравнению с типовой оценкой, требуется проведение дифференциации уголовной ответственности в соответствии с принципом справедливости. Однако такая дифференциация должна осуществляться правоприменителем при условии обязательного соблюдения принципов равенства и правовой определенности.

Действительно, как степень, так и характер общественной опасности преступных деяний не являются постоянно установленной константой, в связи с чем, «пересмотр диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, а также изменение подхода к дифференциации уголовной ответственности являются вполне закономерными событиями и при должной научной обоснованности приносят лишь пользу» [4, с. 272].

В рамках Особенной части УК РФ, как правило, выделяют такие основные способы дифференциации ответственности, как:

- введение законодателем в рамках одной статьи квалифицированных составов, предусматривающих более строгое наказание;

- введение законодателем в рамках отдельных (самостоятельных) статей, привилегированных составов преступлений, устанавливающих менее строгое наказание;

- введение законодателем специальных составов преступлений, за совершение которых, как правило, предусмотрено более строгое наказание; и, наконец, введение законодателем смежных составов преступлений, за совершение которых предусмотрены различные по строгости наказания в зависимости от дифференцирующего признака.

С учетом изложенного отметим, что составы, предусмотренные ст.ст. 201 и 285 УК РФ, обеспечивают охрану установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб вне зависимости от какой-либо конкретной сферы. В свою очередь, ст.ст. 201¹ и 285⁴ обеспечивают охрану установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб исключительно в сфере ГОЗ, при этом санкции ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ по сравнению с ст.ст. 201 и 285 УК РФ значительно выше. Учитывая, что наказание представляет собой основную форму реализации уголовной ответственности, а ее дифференциация прежде всего осуществляется посредством установления различных санкций за совершение деяний, различающихся по уровню общественной опасности, то указанное различие в санкциях свидетельствует о том, что в злоупотреблениях по службе при выполнении ГОЗ законодатель усматривает суще-

ственное увеличение характера и степени общественной опасности по сравнению с злоупотреблениями по службе в любой другой сфере.

Таким образом, очевидно, что целью включения законодателем ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ с дополнительным признаком объективной стороны (совершение при выполнении ГОЗ) являлась дифференциация ответственности за совершение злоупотреблений по службе в сфере ГОЗ, в связи с увеличением важности указанных общественных отношений, и, как следствие, возникновением необходимости усиления их уголовно-правовой охраны. При этом, в соответствии с примененным законодателем способом дифференциации ответственности, очевидно, что ст.ст. 201 и 285 УК РФ занимают место общих составов по злоупотреблению служебными полномочиями, а ст.ст. 201¹ и 285⁴ позиционируются не иначе, как специальные составы по злоупотреблению служебными полномочиями при выполнении ГОЗ.

Вывод о наличии между ст.ст. 201, 285 УК РФ и ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ отношений общих и специальных норм помимо идентичных составов с учетом дополнительного признака: совершения злоупотреблений при выполнении ГОЗ, усиливающего общественную опасность деяния, а также соответственного различия санкций, подтверждает и то, что ст.ст. 201¹ и 285⁴ не криминализуют какие-либо новые деяния. Ведь, использование соответствующим субъектом своих полномочий вопреки служебным интересам, да еще и с корыстным мотивом, если оно повлекло причинение существенного вреда либо существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении ГОЗ признавалось преступным и до включения ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ и квалифицировалось ранее по ст.ст. 201, 285 УК РФ.

Таким образом включение в УК РФ ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ не являлось признанием новых деяний в качестве преступных, а являлось дифференциацией ответственности за их совершение с «перспективой пенализации» [9, с. 96].

Однако, как показывает практика применения вышеуказанных норм, попытку дифференциации ответственности, предпринятую законодателем в уже далеком 2017 году с целью ужесточить ответственность за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ, назвать успешной можно лишь с рядом оговорок.

Во-первых, практика применения за период, прошедший с включения ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ в декабре 2017 года, согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, показала, что, по сравнению с практикой применения общих составов доля применения специальных составов, ничтожно мала.

Во-вторых, правоприменение ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ осложнено рядом недостатков законодательной техники, отмеченными нами ранее во введении.

С учетом цели нашего исследования, останавливаться подробно на всех недостатках законодатель-

ной техники ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ, мы не планируем. Отметим лишь, что дифференциация ответственности, осуществленная законодателем посредством включения ст.ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ, тоже не осталась без вопросов. Например, до сих пор не ясно почему законодатель ограничился выделением в отдельную статью только злоупотреблений при выполнении ГОЗ и «пренебрег введением аналогичных изменений для превышения служебных полномочий и халатности» [7, с. 458]? И это при том, что, несмотря на значительное ужесточение санкций за совершение злоупотреблений по службе в сфере ГОЗ, действия лиц, проявивших халатность или превысивших свои должностные полномочия в данной сфере, квалифицируются по ст.ст. 286 и 293 УК РФ. На наш взгляд, еще при конструировании специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение злоупотреблений в сфере ГОЗ законодателю, следовало предусмотреть распространение их действия и на иные виды служебных преступлений. Необходимость такого распространения обуславливалась целью недопущения перепада уровня общественной опасности, выраженного в необоснованном различии санкций за совершение других видов служебных преступлений в сфере ГОЗ (при одинаковой типовой оценке) вследствие пробелов, допущенных при дифференциации ответственности.

Возникший перепад в ответственности, очевидно, нарушил принцип справедливости и принцип равенства. Однако в сентябре 2022 года, под гнетом усиливающегося давления стран коллективного Запада, а также с целью безусловного выполнения задач Специальной военной операции ВС РФ, законодателем была предпринята вторая попытка дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ, посредством включения новых составов, предусмотренных ст.ст. 201², 201³, 285⁵, 285⁶ УК РФ. На сей раз, главы 23 и 30 УК РФ были дополнены четырьмя новыми составами, направленными на обеспечение охраны установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб на этапах заключения и исполнения государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ. При этом новые нормы, как и ст.ст. 201¹ и 285⁴, согласно задумке авторов, обеспечили охрану установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб исключительно в сфере ГОЗ, но не на всех этапах его исполнения, а лишь на некоторых.

На фоне изложенного довольно странным выглядит то, что санкции ст.ст. 201², ст. 201³, ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ не последовали примеру своих предшественников и по сравнению со ст.ст. 201¹ и ст. 285⁴ УК РФ не выросли, а остались идентичными. Обратим внимание на то, что иные составы ст.ст. 201 и 285 УК РФ (со значками прим) законодатель, все же, отличает по размеру общественной опасности, например деяния, предусмотренные ст.ст. 285¹ и 285², в соответствии с примененным законодателем способом дифференциации ответственности, следует рассматривать в качестве привилегированных составов преступлений,

устанавливающих менее строгое наказание за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов по сравнению с общими составами по злоупотреблению служебными полномочиями.

На первый взгляд, сходство в санкциях ст.ст. 201¹ и ст. 285⁴ УК РФ и ст.ст. 201², ст. 201³, ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ свидетельствует о том, что в нарушениях, допущенных при заключении либо исполнении государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ, законодатель усматривает одинаковый характер и степень общественной опасности по сравнению с злоупотреблениями по службе при выполнении ГОЗ в целом. Однако последовательность расположения статей со значками прим косвенно указывает нам на то, что деяния, предусмотренные новыми нормами, также являющиеся специальными по отношению к общим составам злоупотребления полномочиями (ст.ст. 201 и 285 УК РФ) и, в свою очередь, к составам злоупотребления полномочиями при выполнении ГОЗ (201¹ и 285⁴ УК РФ). Более того, следует согласиться с мнением И.О. Ткачева, который отметил, что «ст. 201¹ и ч. 2 ст. 201², ст. 285⁴ и ч. 2 ст. 285⁵ УК РФ находятся в отношении конкуренции общей и специальной норм как по признаку деяния, так и по признаку последствий» [12, с. 90].

Тогда, для чего потребовалось включение новых составов? Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, кроется в том, что злоупотребления полномочиями, предусмотренные ст.ст. 201¹ и 285⁴, имеют такие дополнительные признаки, как цель и мотив (элементы субъективной стороны), выражающиеся в извлечении выгод и преимуществ для себя или других лиц либо в корыстной или иной личной заинтересованности. При этом, применяя буквальное толкование, указанные признаки в составах, предусмотренных ст. 201², 201³, 285⁵, 285⁶ УК РФ отсутствуют, но зато они имеют свои собственные дифференцирующие признаки. Например, признак повторности деяния (элемент объективной стороны), присущий ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵, ст. 285⁶.

Таким образом, различие дифференцирующих признаков, присущих новым служебным нормам в сфере ГОЗ, привело к тому, что законодатель установил в них одинаковую ответственность относительно норм, ранее включенных в УК РФ.

Иными словами, проводя дифференциацию ответственности за служебные преступления в сфере ГОЗ, законодатель пришел к одинаковой оценке характера и степени общественной опасности ст.ст. 201², 201³, 285⁵, 285⁶ УК РФ по сравнению с типовой оценкой ст.ст. 201¹ и 285⁴. Если допустить, что данный вывод законодателя, с точки зрения дифференциации ответственности, возможно признать справедливым по отношению к санкциям составов, которые все же являются смежными (ст. 201¹, ч. 1 ст. 201², ст. 201³ и ст. 285⁴, ч. 1 ст. 285⁵, ст. 285⁶ УК РФ), то составы, находящиеся в отношении общих и специальных норм и имеющие при этом одинаковые санкции (ст. 201¹ и ч. 2 ст.

201², ст. 285⁴ и ч. 2 ст. 285⁵ УК РФ), очевидно, нарушают принципы справедливости, равенства и правовой определенности.

Из этого следует, что ч. 2 ст. 201² и ч. 2 ст. 285⁵ УК РФ включать в УК РФ, при условии оставления ч. 2 ст. 201¹ и ч. 2 ст. 285⁴ УК РФ в прежней редакции, не было совершенно никакого смысла. Хотя, чему удивляться, если даже «главы 23 и 30 УК РФ, выделенные изначально с целью дифференциации ответственности за должностные преступления и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, на сегодняшний день во многом уравниваются между собой и несут в себе сопоставимый характер и степень общественной опасности» [2, с. 4].

Результаты.

Причина возникшей пертурбации, вероятнее всего, кроется в попытке исправить промахи, допущенные законодателем во время первой попытки дифференциации ответственности при конструировании составов, предусмотренных ст.ст. 201¹ и 285⁴, которые породили несправедливый перевес между ответственностью за совершение злоупотреблений по службе при выполнении ГОЗ и превышениями служебных полномочий при выполнении ГОЗ, халатностью при выполнении ГОЗ. Однако законодателем, на наш взгляд, был выбран не самый оптимальный из вариантов для установления уголовной ответственности за подобные деяния. Вместо установления ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ в рамках единой нормы, в соответствующих главах УК РФ без привязки к форме и виду деяния, как это было сделано со ст. 287 УК РФ, законодателем были построены «надстройки» к ранее введенным специальным нормам, имеющим ряд отмеченных нами недостатков юридической техники, что, в свою очередь, привело лишь к усложнению квалификации и, как следствие, к снижению эффективности уголовно-правовой охраны отношений в сфере служебных преступлениях при исполнении ГОЗ.

Возможным решением указанной проблемы, по нашему мнению, является фундаментальный пересмотр дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ посредством конструирования новой самостоятельной нормы в каждой из глав УК РФ о служебных преступлениях (главы 23 и 30 УК РФ), состоящей из двух частей.

В первой части соответствующих норм следовало бы расположить состав, описанный в ч. 1 ст.ст. 201¹, 285⁴, исключив из него указание на вид служебного преступления. При этом квалифицированный состав из ч. 2 ст.ст. 201¹, 285⁴ можно было бы переместить во вторую часть новых норм без каких-либо изменений. В качестве привилегированной нормы со значком прим следовало бы расположить состав с административной преюдицией, описывающий деяния, выраженные в нарушениях, допущенных при заключении либо исполнении государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ.

Иными словами, указанная привилегированная норма должна предусматривать переработанные ч. 1 ст.ст. 201², 201³ УК РФ (в главе 23) и ч. 1 ст.ст. 285⁵, 285⁶ УК РФ (в главе 30) в объединенные составы соответствующих глав. При этом уровень общественной опасности таких составов должен быть снижен до соответствия категории преступления средней тяжести, с целью согласованности (соразмерного увеличения по признаку повторности) такого уровня с уровнем общественного вреда правонарушений, предусмотренных ч. 2, 3, 5, 6 и 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ.

Отдельного внимания заслуживают идеи о дальнейшем развитии и продолжении дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ посредством «включения в ст.ст. 201², 201³, 285⁵, 285⁶ УК РФ квалифицированных составов за повторное совершение соответствующих деяний лицом, имеющим судимость» [11, с. 53-54]. Данный тезис действительно находит свое подтверждение и в постановлении Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой». Так, согласно абз. 1 п. 6 вышеназванного постановления, ст. 116.1 УК РФ, как норма с административной преюдицией, в редакции, действующей на момент вынесения постановления, не обеспечивала соразмерную уголовно-правовую защиту и ставила лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию.

Однако на наш взгляд, продолжать дифференциацию ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 201¹, 201², 201³, 285⁴, 285⁵ и 285⁶ УК РФ, и вводить в ст.ст. 201², 201³, 285⁵ и 285⁶ УК РФ квалифицированные составы за нарушение условий государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ либо отказ от их заключения лицом, имеющим судимость за служебное преступление, совершенное в сфере ГОЗ, нецелесообразно. Безусловно, данная идея имеет право на существование, обоснована и мотивирована поддерживающими ее авторами.

Однако, на наш взгляд, прежде всего стоит исходить из необходимости такой дифференциации ответственности в ключе распространенности подобных

деяний и в целом возможности их совершения. К примеру, насколько возможно, чтобы генеральный директор (либо иной сотрудник, соответствующий критериям примечаний к ст. 201 и 285 УК РФ) предприятия оборонно-промышленного комплекса имел судимость и продолжал оставаться на своей должности с учетом санкций рассматриваемых нами статей, предусматривающих, в том числе лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью? Более того, подавляющее большинство предприятий оборонно-промышленного комплекса работают со сведениями, относящимся к государственной тайне. Сотрудники, особенно те, которые занимают руководящие должности для того, чтобы приступить к работе, обязаны оформить допуск к государственной тайне в порядке, определенном Законом РФ от 21.07.1993 N 5485-1 «О государственной тайне». При этом лицу, имеющему судимость, возможность получить такой допуск весьма призрачна.

Таким образом, по нашему мнению, такая ситуация, если не невозможна совсем, то уж точно не многократно, особенно с учетом того, что даже нормы с административной преюдицией за период, прошедший с их включения в УК РФ в сентябре 2022 года, согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, не были применены ни разу.

Заключение.

В итоге нашего исследования подчеркнем, что все изменения, касающиеся сферы ГОЗ и вносимые в главы 23 и 30 УК РФ, являются точечными, разрозненными, не согласованными между собой. Попытки законодателя дифференцировать уголовную ответственность при конструировании норм, предусматривающих ответственность за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ характеризуются отсутствием системности в законотворческой деятельности, что сказывается на качестве как отдельных уголовно-правовых норм, так и на уголовно-правовой охране служебной деятельности в сфере ГОЗ в целом.

В целях улучшения эффективности охраны служебной деятельности в сфере ГОЗ необходимо фундаментально пересмотреть дифференциацию ответственности в отношении ст.ст. 201¹, 201², 201³, 285⁴, 285⁵ и 285⁶ УК РФ, а в дальнейшем - формировать и последовательно реализовывать единую уголовно-правовую политику.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

- Егорова Н.А., Егоров А.Г. Новые составы преступлений против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного Кодекса Российской Федерации) // Волгоградская академия МВД России. 2023. № 2 (65). С. 9-19. DOI: 10.25724/VAMVD.A110 EDN: WEZRJT
- Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления: учебное пособие. Ярославль. 2018. 120 с.

3. Иванчин А.В., Насибулин А.Д. Проблемы толкования новых норм о преступлениях, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина. Краснодар. 2024. 724 с. EDN: JKVQZC
4. Карабанова Е.Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 271-282. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282 EDN: ZZPMGD
5. Коновалов В. А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа // Законность. 2023. № 1. С. 45-47. EDN: EPFNUV
6. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. 2023. Т. 76. № 4. С. 115-135. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135 EDN: BJPGBV
7. Любый И.А. Ответственность за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа: компаративный аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018. Том 15, № 4. С. 456-460. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-456-460 EDN: YRJDET
8. Попов Н.С. Новые составы преступлений в сфере государственного оборонного заказа: проблемы уголовно-правовой характеристики и практического применения // Закон и право. 2025. № 4. С. 248-251. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-248-251 EDN: SFNGAD
9. Расторопов С.В., Горишков Н.А. Общетеоретические и прикладные аспекты пенализации на современном этапе // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4 (69). С. 94-97. EDN: SPILOR
10. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с. EDN: ZPOSCP
11. Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. Проблемы дифференциации ответственности за преступления с административной преюдицией (на примере нормы, предусмотренной статьей 201.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 50-55. DOI: 10.25724/VAMVD.A191 EDN: HDTRVP
12. Ткачев И.О. Проблемы квалификации преступлений в сфере государственного оборонного заказа // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 87-93. EDN: ZHUGEU
13. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 9. С. 44-49. EDN: QDSZVP

References:

1. Egorova N.A., Egorov A.G. New types of crimes against the interests of the service related to the state defense order (Articles 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (65). PP. 9-19. DOI: 10.25724/VAMVD.A110 EDN: WEZRJT
2. Ivanchin A.V., Kaplin M.N. Official crimes: a textbook. Yaroslavl. 2018. 120 p.
3. Ivanchin A.V., Nasibulin A.D. Problems of interpretation of new norms on crimes committed in the sphere of the state defense order // Institutional foundations of the criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V.P. Konyakhin. Krasnodar. 2024. 724 p. EDN: JKVQZC
4. Karabanova E.N. Problems of systemic penalization (on the example of differentiation of criminal responsibility for crimes with a multi-object composition) // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 2. pp. 271-282. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282 EDN: ZZPMGD
5. Kononov V. A. Novelties of criminal liability for violation of contractual obligations in the field of the state defense order // Legality. 2023. No. 1. pp. 45-47. EDN: EPFNUV
6. Lopashenko N.A. The main results of the reform of criminal legislation in 2022: an analytical review // Lex russica. 2023. Vol. 76. No. 4. pp. 115-135. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135 EDN: BJPGBV
7. Lyuby I.A. Responsibility for abuse of authority in the implementation of the state defense order: a comparative aspect // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. Volume 15, No. 4. Pp. 456-460. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-456-460 EDN: YRJDET
8. Popov N.S. New types of crimes in the sphere of the state defense order: problems of criminal law characteristics and practical application // Law and Law. 2025. No. 4. FROM 248-251. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-248-251 EDN: SFNGAD
9. Rastoropov S.V., Gorshkov N.A. General theoretical and applied aspects of penalization at the present stage // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2023. № 4 (69). С. 94-97. EDN: SPILOR
10. Rogova E.V. The doctrine of differentiation of criminal responsibility: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. nauk. M., 2014. 596 p. EDN: ZPOSCP
11. Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G. Problems of differentiation of responsibility for crimes with administrative prejudice (on the example of the norm provided for in Article 201.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (67). pp. 50-55. DOI: 10.25724/VAMVD.A191 EDN: HDTRVP
12. Tkachev I.O. Problems of crime qualification in the field of state defense order // Criminalist. 2025. No. 2 (51). PP. 87-93. EDN: ZHUGEU
13. Yani P.S. Problems of qualification of crimes in the sphere of state defense order // Legality. 2023. No. 9. pp. 44-49. EDN: QDSZVP

Информация об авторе:

Насибулин Андрей Дамирович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, <https://orcid.org/0009-0000-5044-5903>, nasibulin99@yandex.ru

Andrey D. Nasibulin, Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, Assistant of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.10.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.11.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.